

На пограничных рубежах

С.А.Минченков

Материально-бытовые условия службы пограничников в 1920-х гг. (Эстоно-латвийская граница РСФСР)

Организационное становление пограничной охраны и обустройство границы РСФСР с республиками Прибалтики началось в 1920 г. и проходило в условиях трудной послевоенной разрухи. Пограничные с Эстонией и Латвией районы Петроградской, Псковской и Витебской губерний относились к числу наиболее пострадавших в гражданской войне, поэтому вместе с местным населением нехватку всего самого необходимого остро ощущали и первые красноармейцы-пограничники Петроградской и Башкирской отдельных стрелковых бригад.¹

В связи с отсутствием специальных помещений красноармейцам приходилось размещаться в землянках, а некоторые даже жили просто в окопах. Остро стояла проблема обеспечения обмундированием. Поначалу оно полностью отсутствовало, и красноармейцы вынуждены были ходить босыми и без шинелей.² Однако, пожалуй, главной

Минченков Сергей Александрович - кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории Псковского пединститута им. С.М.Кирова

проблемой начала 1920-х гг. была продовольственная. Вот как красноармейцы-пограничники о своем положении и службе сообщали в письмах домой, запечатленных в военных сводках Особого отдела охраны эстоно-латвийской границы за декабрь 1920 – март 1921 гг.: «Хлеба нам дают один фунт, дадут сразу на 15 суток, за 8 суток съешь, а 7 – один Бог только знает, как живешь», «Нас очень плохо кормят, хлеба дают один фунт и ещё рыбы тухлой дают, а супу нет никакого...», «Жизнь наша очень плохая, как будем жить. Наверное пропадем, как мухи от голода и холода». Некоторые пограничники, не выдерживая подобных условий службы, дезертировали, тем более что такой опыт у многих уже имелся (большую часть прибывших на охрану советско-эстонской границы в апреле-мае 1920 г. частей и подразделений Петроградской отдельной стрелковой бригады составляли дезертиры). Другие же, не желая самовольно оставлять службу, просили помощи у своих домашних: «Отпуска выдают по уважительным причинам, пришлите удостоверение в таком виде: что оставши

одна мать и та очень заболела, должно хозяйство рухнуть», «пришлите телеграмму поформеннее, может быть меня и отпустят». В то же время многие пограничники свидетельствовали о совсем другом материальном положении: «Хлеба вволю, сахару внакладку, свежей рыбы, какую хочешь, имею одни брюки-галифе, одни – клеш, оба суконные, черная суконная гимнастерка, серый суконный пиджак, перешит полушубок, каракулевая шапка», «Сам должен знать, нигде я не пропаду, мяса вволю, сахару сколько хочешь, одет, обут очень хорошо, пока слава Богу, а про хлеб и говорить нечего», «Хлеба у нас хватит, мяса нам хватит...», «Мы даже пьем самогонку». Объяснение этому можно найти в этих же сводках Особого отдела: «Жить весело. Если пустим спекулянтов [т. е. контрабандистов через границу. – С.М.], он тебе даст соли, свинины, мяса, чего тебе угодно, и хозяева интересуются солдатами, потому он идет без опасности, он знает, что его солдаты пропустят, здесь... как у нас у каждого много свинины и мяса. Жители нас зовут в гости, только приди, как навалят, ешь хоть в два горла».³

Таким образом, некоторые красноармейцы-пограничники, стремясь поправить свое тяжелое материальное положение, «сотрудничали» с местным приграничным населением, большинство которого в начале 1920-х гг. занималось контрабандной деятельностью. «Контрабанда лилась широкой рекой, и не занимался ей только тот, кто не хотел» - писала в 1927 г. стенгазета 11-го (Себежского) пограничного отряда ОГПУ «На посту» об обстановке в приграничье и его жителях в начале 1920-х гг.

Сложившейся ситуации способствовало и то обстоятельство, что из-за отсутствия специальных помещений под заставы и казармы многие пограничники, а к 1923 г. большинство из них, были размещены по крестьянским избам. Большая же часть «квартирохозяев» (крестьян, в чьих домах поселились пограничники) была контрабандистами, «более ловкие» из которых специально «прикармливали» пограничников и «сворачивали» их на содействие своему промыслу.⁴

Не в лучших условиях находились и

красноармейцы 166-й бригады 56-й Московской стрелковой дивизии, прибывшие с польского фронта и сменившие в январе-феврале 1921 г. вышеназванные части. Материально-бытовые трудности, а также плохая постановка политработы в частях стали причиной открытого выступления в январе 1921 г. красноармейцев 496-го полка 166-й бригады, дислоцированного в Опочечком уезде Псковской губернии и охранявшего советско-латвийскую границу. Причем выступление, или как оно было впоследствии названо членами выездной сессии окружного Реввоентрибунала ПВО – «восстание», приобрело явно политический характер. Началось оно 19 января в местах расположения пеших разведчиков и пулеметной команды в д. Антоненки и д. Лямоны Красногородской волости. Красноармейцы численностью 18 человек вместе «с другими 20-ю лицами» «с оружием в руках», «выставив лозунгами: борьбу за Учредительное собрание, свободу торговли и т. п.», арестовали своих командиров, убили комвзвода Клемина и красноармейца Семенова, захватили пулеметы, порвали телефонную связь со штабом полка и направились к расположенным на границе передовым частям «с целью снятия их и ареста комсостава». В дальнейшем, как установило следствие, они намеревались двигаться к штабу полка «для захвата в свои руки Командира и Комиссара и всей власти», однако благодаря «находчивости и героизму» командира 3-й роты Карачевского восставшие были окружены и обезоружены. По факту «вооруженного восстания» было проведено расследование, которое выявило главных его организаторов, красноармейцев, принимавших «горячее участие», и 9 человек, являвшихся «точными исполнителями приказаний» зачинщиков. Следствием было также установлено, что военком полка Григорий Гусев вечером 18 января получил сведения о подготовке выступления в полку, «и имея возможность путем извещения лиц комсостава предупредить таковое, в силу преступнонебрежного отношения к своим обязанностям, этого не сделал равно как вообще не заботился о правильной постановке политработы в ротах и командах своего пол-

ка». 28 января 1921 г. выездная сессия окружного Революционного военного трибунала Петроградского военного округа постановила главных зачинщиков и руководителей «восстания» Ларина, Сорокина и Чекалина, несмотря на то, что им удалось скрыться за границей, расстрелять, а остальных красноармейцев 496-го полка, участвовавших в вооруженном выступлении, приговорила к лишению свободы с принудительными работами на 10, 20 лет и «без срока». Понес наказание и уже бывший военком полка Григорий Гусев. Он и проявивший трусость командир взвода Яков Лельчук были приговорены к лишению свободы с принудительными работами сроком на 5 и 3 года соответственно.⁵

Однако даже после этого случая ситуация не изменилась, и войска ВЧК охраны эстона-латвийской границы Республики (ОЭЛГР), сменив в июне 1921 г. части 166-й бригады 56-й Московской стрелковой дивизии, продолжали испытывать острый недостаток в обмундировании (оно либо вовсе отсутствовало, либо было совершенно изношено, «ниже всякой критики») и продовольствии (продукты отпускались в недоброкачественном виде и несвоевременно – «были случаи недополучения в течение 10 дней продуктов кроме хлеба»)⁶.

Плохое питание, проблемы с обмундированием, специфика пограничной службы, когда большую часть времени красноармейцам приходилось находиться на свежем воздухе, порой в ненастную погоду (под дождем, в снежные метели) и по колено в воде (во многих местах линия государственной границы проходила по болотам и озерам), а также многие другие неблагоприятные условия и факторы самым отрицательным образом сказывались на здоровье пограничников. Желудочные, лихорадочные, венерические болезни, а также бронхит, чесотка, потертость ног и обморожение были самыми распространенными заболеваниями. По состоянию, например, на июль 1921 года в войсках ВЧК ОЭЛГР на стационарном лечении находилось 118 красноармейцев, на амбулаторном – 4056 красноармейцев, что составляло более половины всего личного состава названных войск.⁷

Советское руководство и командование пограничной охраны, осознавая сложность создавшегося положения, старались принимать все возможные меры для улучшения быта, питания, снабжения и санитарного состояния красноармейцев-пограничников. Однако в условиях острейшего социально-экономического кризиса возможности государства были ограничены. Оно было не в состоянии централизованным путем полноценно обеспечить пограничников всем необходимым. Поэтому ещё в период формирования войск ВЧК, 17 февраля 1921 года, был издан приказ (в войсках ВЧК ОЭЛГР он был объявлен 25 марта 1921 г.), в котором командирам и политработникам предписывалось для улучшения быта красноармейцев и устранения «всех недочетов в области: питания, снабжения всеми видами довольствия, расквартирования, освещения, тепла...» прибегать к помощи местных советских и партийных органов и добиваться от них «вполне реальных удовлетворительных результатов».⁸

Местные власти во многом были заинтересованы в улучшении материально-бытовых условий жизни пограничников, поскольку контрабанда, в пособничестве которой в силу вышеназванных причин они были замечены, подрывала не только местную торговлю, но и многие экономические мероприятия, проводимые местными властями. В связи с этим вопрос улучшения материально-бытовых условий жизни пограничников регулярно поднимался и обсуждался на заседаниях местных органов исполнительной власти. 15 июля 1921 года на совещании при Псковском губисполкоме была даже создана комиссия «по улучшению работы и быта войск ВЧК ОЭЛГР» под председательством заместителя начальника политсекретариата и комиссара штаба войск ВЧК ОЭЛГР В. Д. Голубовского-Югансона. На своем первом заседании 16 июля 1921 г. комиссия разработала и предложила губисполкому реализовать следующие мероприятия: организовать «скорейшую постройку кордонов со всем хозяйственным инвентарем, дабы освободить красноармейца от зависимости от населения», «в первую очередь отдавать для кордонов кон-

фискованные постройки семей белогвардейцев», а где таковых не имеется, возводить их «при помощи трудовой повинности»; «ввиду отсутствия котелков у красноармейцев погранохраны» и невозможности получить их «в скором времени из центра ... изъять в срочном порядке всю посуду военного образца, имеющуюся в массе у местного населения, для передачи её погранохране», прибегая при этом как к агитации, так и к силе обязательного постановления; ввиду отсутствия постельных принадлежностей «снабдить красноармейцев соломой для устройства матрасов»; содействовать в вопросах улучшения «быта красноармейцев и войск в санитарном и ветеринарном отношении», а также – сделать распоряжение соответствующим органам и учреждениям о выделении красноармейцам дров, ложек, кружек и т. п. Комиссия рекомендовала губисполкому «ходатайствовать перед центром об увеличении штатов войск» с тем, чтобы «можно было бы отводить часть людей на отдых и производить с ними занятия».⁹

Однако большинство из предложенных комиссией мероприятий реализованы не были. Некоторые из них не были проведены из-за отсутствия необходимых финансовых средств, другие же из-за нестабильной политической обстановки, не позволявшей организовывать в приграничной полосе масштабные конфискации у местного населения какого-либо имущества в пользу пограничной охраны. Поэтому имевшие место конфискации построек семей белогвардейцев были незначительны и не могли полноценно удовлетворить пограничную охрану в необходимых помещениях под заставы, посты и казармы.

В 1921 г. удалось лишь частично улучшить снабжение красноармейцев обмундированием, хотя возникло новое непредвиденное обстоятельство. В приказе начальника Управления войск ВЧК ОЭЛГР от 22 августа 1921 г. отмечалось: «Несмотря на то, что некоторые части ... удовлетворены 80% обувью и обмундированием, наблюдается большой процент босых и раздетых красноармейцев; участились случаи замены новой обуви на старую, а также продажа и обмен казенного обмундирования». Объяснялось это как

продовольственными трудностями (красноармейцы меняли свою одежду на продукты питания), так и нежеланием многих пограничников носить военную форму.¹⁰

Таким образом, материально-бытовые условия жизни пограничников, несмотря на пристальное внимание к этой проблеме со стороны как центральных, так и местных органов Советской власти, в первые послевоенные годы серьезных изменений не претерпели и ещё долгое время оставались крайне тяжелыми.

Жизнь и быт пограничников улучшались по мере восстановления народного хозяйства и укрепления внутреннего и международного положения страны.

В 1923 году командованием войск ГПУ начинают приниматься срочные меры к организации постройки кордонов для пограничной охраны. В мае специально созданная «комиссия с инженером-строителем» обследовала на советско-эстонской и советско-латвийской границах «пункты построек кордонов и составила соответствующие сметы». Так, например, на постройку кордона «Шахницы» № 12 была составлена смета на сумму 11445 руб. 83 коп., кордона «Черново» – 12540 руб. 25 коп. и др. Однако из-за того, что денежные средства для этих целей «Центром» выделялись «в недостаточном количестве», начать полномасштабное строительство пограничных кордонов не представлялось возможным. Поэтому было решено в первую очередь кордоны строить на наиболее важном в стратегическом отношении участке государственной границы – в районе г. Пскова.¹¹

25 ноября 1923 г. на советско-эстонской границе в д. Муромицы (близ г. Пскова) был открыт «первый вновь выстроенный кордон для пограничных войск ГПУ». На этом знаменательном событии присутствовали представители от штаба войск ГПУ Петроградского округа, Псковских губкома, губисполкома, губотдела ГПУ, воинских частей, государственной конторы, производившей постройку кордона, а также много крестьян и молодежи окрестных деревень. Выступавшие на открытии кордона должностные лица отметили, что «после революции и изменения

границ Муромицкий кордон открывается первым не только в Северной области, но и во всем СССР», что, безусловно, придавало ещё большую значимость этому событию.¹²

К апрелю 1925 г. в Псковском пограничном отряде уже половина застав (8) была «в специально отстроенных кордонах». Ещё четыре новых кордона (три в 1-й комендатуре и один в 3-й комендатуре) были подведены «под кровлю». Их предполагалось достроить к зиме 1925 г., тем самым полностью закончить строительство новых кордонов в 1-й и 2-й комендатурах Псковского погранотряда.¹³

В январе-марте 1925 г. строительство новых кордонов начинается и в других погранотрядах. В 1925 году в Островском погранотряде предполагалось построить четыре кордона (во 2-й комендатуре), в Себежском – один (на заставе Погранбудка), в Гдовском – один (в д. Рудницы) и в Кингисеппском – два (в д. Кейкино и д. Извоз).¹⁴

Строительство кордонов для пограничной охраны велось по типовым проектам, разработанным в центральном аппарате ОГПУ. Однако уже в 1925 г. в Ленинградском округе от них было решено отказаться («ввиду большой охлаждающей поверхности...зданий»). 26 марта 1925 г. на совещании по вопросу о постройке кордонных зданий для погранохраны ПП ОГПУ в ЛВО были утверждены новые «типы кордонов», предложенные Инспекцией снабжения ЧПО ПП ОГПУ в ЛВО. Проект кордона типа «А» был рассчитан на 15 человек, тип «Б» – на 17 человек (см. приложение).¹⁵

Новые кордонные помещения имели все необходимые условия и удобства для нормальной жизни пограничников. Вот как в местной губернской газете «Псковский набат» 19 ноября 1924 г. описывалось новое жилище пограничников: «Большой, крепко сколоченный бревенчатый дом, с железной крышей, в 22 окна, с двумя крыльцами ... Входим. Два небольших коридора. По бокам комнаты. Прекрасно оборудованная кухня, столовая, просторная комната – общежитие пограничников. Стены украшены заботливой рукой пограничника лозунгами, плакатами, портретами. Под небольшой ар-

кой Ленинский уголок. Много книг, газет ... Рядом военный уголок. Посреди комнаты чисто прибранные койки пограничников. В комнатах уютно и тепло ... Все сделано для пограничника – для учебы, спокойного отдыха ... Есть маленькая сухая комната – сушильня, где пограничник, придя с поста, может посушить обувь и одежду».¹⁶

Вместе с кордонами велось строительство и различных хозяйственных помещений – бань, конюшен, флигелей и др. Однако, как отмечалось в августе 1925 г. в кратком обзоре политико-экономического состояния пограничной полосы в пределах ПП ОГПУ в ЛВО, полная «застройка границы» могла произойти «лишь в 10 лет».¹⁷

В связи с тем, что строительство кордонов и хозяйственных помещений шло медленно, многим пограничникам ещё долгое время приходилось ютиться либо в тесных и «не приспособленных к казарменной обстановке» крестьянских избах, в которых нельзя было установить не только койки, «но даже сделать для всех нары», либо в бесхозных «ни подо что не пригодных постройках, без крыш, без дверей и окон». В лучших условиях находились лишь некоторые пограничники Себежского погранотряда ОГПУ, расквартированные в «наиболее благоустроенных, чем крестьянские избы» бывших помещичьих имениях.¹⁸

Размещение пограничных застав в крестьянских избах по-прежнему приводило «к ослаблению охраны» государственной границы. Пограничники сживались со своими квартирохозяевами, многие из которых были контрабандистами, и попадали в «экономическую» от них зависимость. Однако, если раньше, в первые послевоенные годы, это происходило из-за недостатка и крайне нерегулярного продовольственного снабжения, то с 1923-1924 гг. – в силу невозможности «организации котлового довольствия», которая вынуждала пограничников часто отдавать «свой паек хозяину, для приготовления горячей пищи». Все предпринимаемые начальствующим составом погранохраны меры по ликвидации этой зависимости и улучшению условий расквартирования пограничников не приносили ощутимых результатов,

и полностью эта проблема была решена лишь в 1930-е гг., после завершения строительства новых кордонов на советско-эстонской и советско-латвийской границах.¹⁹

Значительно раньше была решена проблема обеспечения пограничников продовольствием. Например, уже в мае 1923 г. заместитель военного комиссара 6-го отдельного погранбатальона Дударенко докладывал начальнику Псковского губотдела ГПУ: «Продовольствием батальон снабжается нормально и регулярно, перебоев в доставке не было»;²⁰ начальник Себежского пограничного отряда ОГПУ Володин 4 июля 1924 г. в своем докладе в Себежский уездный комитет РКП (б) отмечал: «Продовольствие получается своевременно и доброкачественное. Хлеб выпекается на имеющихся в отряде 4-х хлебопекарнях».²¹ Со временем всё большее внимание стало уделяться улучшению и расширению пищевого рациона пограничников. В немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что приварочным довольствием погранотряды обеспечивали себя сами. Хозчасти отрядов «на кредиты, отпускаемые Управлением Начснаба ЛВО», закупали у местных торговых и сельскохозяйственных организаций мясо, овощи, макароны, масло и другие продукты. Улучшению питания пограничников способствовали и организованные на артельных началах при управлениях отрядов, комендатурах и заставах небольшие подсобные хозяйства, где пограничники собственными руками, для себя, производили «откорм поросят», выращивали картофель и другие овощи.²²

Проблема обеспечения пограничников вещевым довольствием во всех погранотрядах остро стояла до середины 1920-х гг. Несмотря на то, что без форменной одежды и обуви, как в первое послевоенное время, уже никто не ходил, недостаток обмундирования, постельных принадлежностей и других предметов вещевого довольствия продолжал сохраняться. Например, по состоянию на 1 июля 1923 г. «обеспеченность» 6-го отдельного погранбатальона вещевым довольствием в процентном отношении от требуемого выражалась следующим образом: «шинелей 32%, рубашках гимнастических летних 110%, шаро-

вар летних 91%, шлемов летних 99%, шлемов зимних 151%, обуви кожаной 72%, обмоток 37%, нат[ельных] рубашках 56%, исподних брюк 27%, утиральников 0,2%, носовых платков 36%, портянок и носков 37%, наволочек под. верхних 92%, наволочек под. нижних 103%, простыней 4%, наволочек тюфячных 40%, одеял 12%, ремней поясных 81%...».²⁴ С 1925 года положение постепенно стало меняться. Путем плановой разверстки Инспекцией снабжения ЧПО ПП ОГПУ в ЛВО по предоставленным «с мест учетным карточкам», содержащим как сведения о состоянии с обеспечением вещевого довольствием частей, так и заявки на недостающее обмундирование, началось регулярное снабжение пограничников шинелями, полушубками, постельным и «нательным» бельем, обувью и другими предметами вещевого довольствия. Однако «полной удовлетворенности» погранотрядов в вещевом довольствии во второй половине 1920-х гг. достигнуто не было. Это вынуждало начальствующий состав погранотрядов самостоятельно принимать меры для преодоления возникавших трудностей: продлевать срок использования предметов вещевого довольствия, форменную одежду демобилизованных пограничников заменять на старую, изношенную, активизировать работу сапожных и портняжных мастерских, существовавших при каждом отряде. Так, например, в октябре 1926 г. помощник начальника 9-го (Псковского) пограничного отряда ОГПУ по хозяйственной части Кутузов в своем докладе отмечал: «Благодаря своевременно принятых мер по ремонту зимнего обмундирования ... путем самостоятельности части было отремонтировано: 217 полушубков, 106 пар валяных сапог и 200 комплектов теплого белья»; «в связи с несвоевременным отпуском» «инструкторских сапог командному составу, а также и суконных шаровар всему личному составу Отряда» срок использования был автоматически продлен с 6 до 12 месяцев.²⁵

От материально-бытовых условий жизни пограничников (условий расквартирования, продовольственного и вещевого обеспечения) напрямую зависело их медико-санитарное состояние. Долгое время существо-

вавшая проблема обеспечения вещевым довольствием, а именно: изношенность обуви, недостаток нательного белья – способствовали распространению простудных и кожных заболеваний (бронхит, фурункулез, нарывы, чесотка и т. д.), недостаточное количество «утиральников», вынуждавшее сразу нескольких пограничников пользоваться одним полотенцем, приводило к развитию «глазных заболеваний». Размещение пограничников в крестьянских избах (их «совместное жительство» с местным населением), в связи с медленным строительством новых пограничных кордонов, нередко становилось причиной венерических, кожных и даже тифозных болезней. Так, например, в конце марта 1925 г. в Островском пограничном отряде ОГПУ имел место случай «массового заболевания сыпным тифом» пограничников 25-й и 30-й заставы и хозкоманды 3-й комендатуры. Для выяснения случившегося в г. Остров «по получении этого известия» выехал даже санинспектор ЧПО ПП ОГПУ в ЛВО, который определил, что «заболевание пошло от семьи крестьянина (хозяина заставы № 25), где жили пограничники». Однако заболеваемость пограничников уже к середине 1920-х гг. по сравнению с предыдущим временем заметно снизилась. Такие заболевания, как тиф, цинга, малярия, практически исчезли. Во всех отрядах регулярно стали делаться прививки, проводиться медицинский осмотр, производиться стирка белья, дезинфекция и другие мероприятия санитарно-гигиенического характера.²⁶

Улучшению материально-бытовых условий жизни пограничников в немалой степени способствовали местные советские органы власти, государственные учреждения и промышленные предприятия. В 1922 г. появилась традиция брать шефство над пограничными частями и оказывать им всевозможную материальную помощь и моральную поддержку. 29 июля 1922 г. шефство над 3-м пограничным полком 1-й пограндивизии взял Псковский губвнешторг, 22 августа 1922 г. Псковский отдельный кавэскадрон 1-й пограндивизии стал подшефным Псковского губпрофсовета.²⁷ 12 декабря 1922 г. на заседании Президиума Псковского гу-

бернского исполнительного комитета было решено: «Принять со стороны Губисполкома шефство над всеми погранчастями войск ГПУ», не имевшими к этому времени шефа.²⁸ В соответствии с этим решением, в январе 1923 г. шефство над пограничными частями войск ГПУ, находившимися на территории Псковской губернии, было распределено следующим образом: 11-й отдельный погранбатальон стал подшефным Псковского губисполкома, 12-й отдельный погранбатальон – Островского уездного исполкома, 2-я отдельная погранрота – Опочецкого уездного исполкома, Псковский отдельный кавэскадрон – Псковского кожтреста. После того, как в конце января – начале февраля 1923 г. все эти пограничные части, составлявшие Псковский губпогранотряд, были реорганизованы и сведены в один – 6-й отдельный пограничный батальон, шефство над пограничниками осталось за Псковским губисполкомом.²⁹

Псковский губисполком шефствовал не только над пограничниками, но вместе с губпрофсоветом и над всеми воинскими частями, дислоцированными на территории Псковской губернии. Это не исключало возможность принятия шефства над той или иной воинской частью (в том числе и пограничной) другой какой-либо организацией, но для этого последней необходимо было получить разрешение со стороны губисполкома. Так, 25 августа 1923 г. на заседании Президиума Псковского губисполкома шефами 6-го отдельного погранбатальона войск ГПУ Петроградского округа были утверждены Псковская таможня и Псковлес.³⁰ В то же время это не означало, что все «шефские» организации самостоятельно выбирали себе подопечных. В первой половине 1920-х гг., как правило, либо все происходило наоборот – пограничные части сами выбирали себе шефа (например, 3-й погранполк), либо шефа назначали местные органы исполнительной власти (например, Псковскому кавэскадрону) (см. выше). Такое практиковалось и в дальнейшем, однако шефа назначали уже партийные органы. Например, 10 апреля 1929 г. на заседании секретариата Псковского окружного комитета ВКП (б) было решено: «а) Считать необходимым и целесооб-

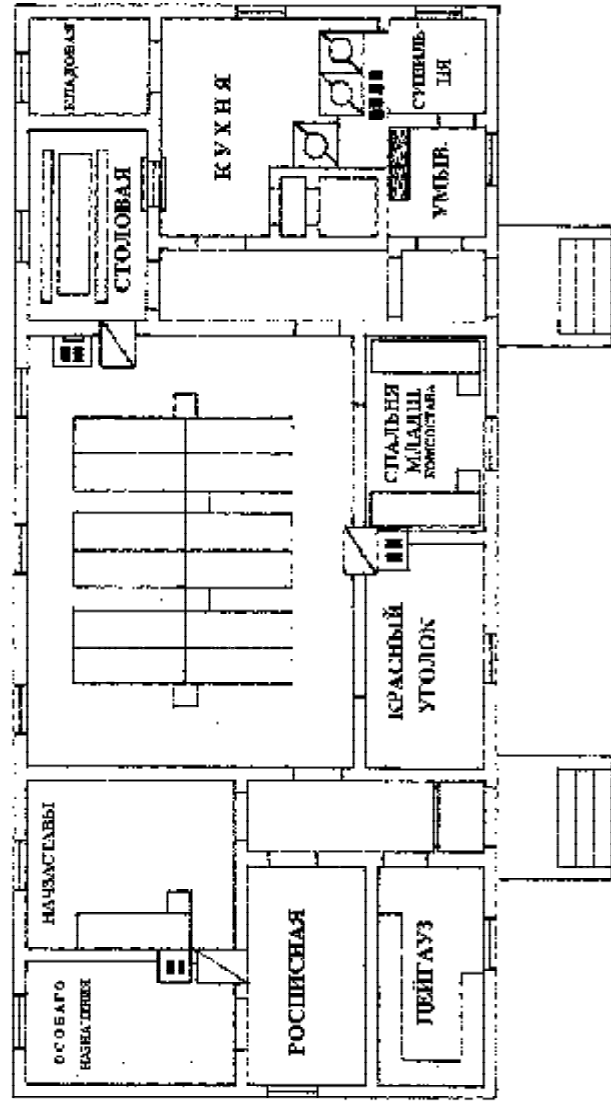
Полномочный Представитель
/Мессинг/

ТИПОВОЙ

проект заставы лит. "А".

"26" марта 1925 г.

МАСШТАБ
1:200
0 2 4 6 8 10 м

Квадрат = 36.00с.
Кубатура = 75.60с.

Инспектор по Снабжению
ЧПО ЦС ОГПУ в ЛВО
/Зайцев/

Пом. Инсп. по Строительству
/Еремеев/

разным принятием шефства заводом «Металлист» над 10 п/отрядом и фабрикой «Шпагат» над 9 п/отрядом. б) Поручить Псковскому Райкому данное решение провести в жизнь через партколлективы и фабзавкомы указанных предприятий».³¹

Шефская помощь пограничным частям была самой разнообразной: от относительно незначительной – выписки газет, оборудования помещений электрическим освещением, до более весомой – строительства новых кордонов. Так, 16 октября 1924 г. состоялось открытие двух кордонов, построенных с помощью Псковского губисполкома и Псковской таможни. Пограничники в благодарность за это один из кордонов назвали именем Псковского губисполкома (второй – «именем Яна Томпа и 149 эстонских коммунистов, отданных буржуазному Эстонскому суду»).³² Нередко оказание шефской помощи приурочивалось к празднованию 1 Мая, очередной годовщине Октябрьской революции и другим торжественным событиям. Например, к десятилетию Октябрьской революции (1927 г.) пограничники 11-го (Себежского) погранотряда ОГПУ получили от шефа следующие «подарки»: 25 пар кожаных перчаток, 3 венских гармошки, 5 гитар, 5 мандолин, 1000 конвертов, 1000 листов почтовой бумаги, 5 шахматных комплектов, 110 электрофонариков с двумя лампочками и батарейками, радиопринадлежности и 300 рублей для стенной газеты «На посту».³³

С первых дней существования большие материальные и финансовые трудности испытывала и Чудская пограничная флотилия. У военморов флотилии отсутствовало обмундирование, обувь. Они плохо снабжались продовольствием, а о их «крайне антисанитарном состоянии ... было даже несколько заметок в газете «Красный Балтфлот» (например, «рабочее платье ни разу не стиралось»)³⁴ Успешному несению службы не способствовали и условия расквартирования военморов-пограничников. Первоначально штаб флотилии и казармы моряков размещались в тесном и малопригодном для этих целей здании на Торговой (Советской) площади г. Пскова (ул. Сергиевская, д. 4). Дом требовал «колоссального ремонта» и благоустройства: не было уборных, умывальников,

штукатурка во многих местах обваливалась, дымоходы находились в неисправном состоянии, на всем верхнем этаже отсутствовали стекла, а месторасположение – вблизи базара – «разлагающе» действовало на команду.³⁵

Тяжелые материально-бытовые условия, в которых находились военморы, стали причиной обращения («ходатайства») штаба Чудской пограничной флотилии в Псковский губисполком о принятии шефства над ней. 24 апреля 1922 г. Псковский губисполком принял шефство над Чудской пограничной флотилией. Это стало важным событием для военморов, поскольку шефство Псковского губисполкома сыграло большую роль в улучшении их материального положения. Помощь Псковского губисполкома флотилии была больше, чем «шефской». Фактически губисполком осуществлял во многом прямое её финансирование. Вот лишь некоторые свидетельства, подтверждающие это: в июле 1922 г. губисполком отпустил средства на празднование первой годовщины создания Чудской флотилии, выделил 30000 рублей на организацию сапожной и портняжной мастерских, в августе 1922 г. оплатил задолженность штаба флотилии перед электростанцией, выдал пособие (10000 руб.) начальнику флотилии Артемьеву «на переезд в Петроград», в сентябре 1922 г. положительно решил вопрос об отпуске средств на ремонт здания флотилии (нового здания – см. ниже), в марте 1923 г. отпустил средства на покупку обмундирования для командного состава флотилии (по 500 рублей денежными знаками 1923 г. на каждого из 15 чел.), выделил средства «на заказ всевозможных бланков для канцелярии флотилии» (500 руб. ден. зн. 1923 г.), оплатил счета Чудской флотилии на сумму 443 руб.53 коп., в апреле 1923 г. отпустил средства на улучшение питания военморов в сумме 1952 руб. и др.³⁶ Кроме того, Губисполком способствовал получению штабом флотилии нового здания. В конце июня 1922 г. штаб Чудской флотилии был переведен в здание бывшего Печерского подворья, где до этого размещалась Совпартшкола. По свидетельству помощника начальника флотилии Борисова и комиссара Моисеева, новое здание являлось «вполне

пригодным» для размещения штаба, так как было изолированным и находящимся «вблизи от берега». Помимо необходимых площадей, оно имело два флигеля, помещения для мастерских и складов. Однако проблема расквартирования военморов была решена лишь временно. В 1923 г. после увеличения личного состава Чудского отряда судов пограничной охраны войск ГПУ и восстановления баз флотилии на Псковско-Чудском водоеме она вновь встала на повестку дня. На базе флотилии в Раскопеле военморы из-за отсутствия помещений были расселены по крестьянским избам, а на базе в Муровицах вообще вынуждены были постоянно находиться на катерах.³⁷

Одновременно с Псковским губисполкомом над Чудским отрядом шефствовала Псковская губернская комсомольская организация, а в августе 1923 г. к ним присоединилась Псковская таможня. Вместе с местными властями они старались сделать все возможное для улучшения материального положения Чудского отряда, поставленного, как и Финский отряд судов пограничной охраны, по снабжению «в третью очередь» (впереди стояли Северная и Дальневосточная флотилии).³⁸

Как самостоятельное подразделение пограничной охраны Чудская флотилия существовала недолго. В 1925 г. была проведена очередная её реорганизация, в результате которой отряд судов был включен в состав Псковского пограничного отряда ОГПУ. В структуре Управления последнего для руководства службой флотилии была создана морчасть, а её материальным обеспечением стала ведать хозяйств Псковского погранотряда. В связи с этим улучшение во второй половине 1920-х годов материально-бытовых условий Псковского погранотряда соответственно отражалось и на положении военморов, осуществлявших охрану советско-эстонской границы на Псковско-Чудском водоеме.³⁹

Таким образом, материально-бытовые условия службы пограничников в течение 1920-х гг. значительно улучшились. Были решены остро стоявшие в начале 1920-х гг. вопросы обеспечения пограничников продовольствием, обмундированием, медицинского обслуживания, строительства застав и различных хозяйственных помещений. Однако проблемы все же оставались, и полностью их решить удалось лишь в 1930-е гг.

Примечания

1. Очерки истории Псковской организации КПСС. С. 134-142; ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 63, л. 25.
2. РГВА, ф. 18305, оп. 1, д. 13, л. 23, 72-73; д. 15, л. 51; Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. С. 34.
3. Там же; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 213, л. 7-21, 41-44.
4. На посту. 1927. 6 ноября; ГАПО ф. 590, оп. 2, д. 87, л. 107.
5. РГВА, ф. 1478, оп. 2, д. 1, л. 34-36; д. 148, л. 24; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 211, л. 34.
6. РГВА, ф. 37832, оп. 1, д. 26, л. 44-45; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 210, л. 50.
7. РГВА, ф. 37832, оп. 1, д. 16, л. 1-80; Пограничные войска СССР 1918-1928. С. 338.
8. РГВА, ф. 37832, оп. 1, д. 26, л. 5.
9. ГАНИПО, ф. 1, оп. 3, д. 155, л. 110, 107; оп. 1, д. 210, л. 14, 50; д. 211, л. 34; ф. 70, оп. 1, д. 100, л. 76; Пограничные войска СССР 1918-1928. С. 339-340.
10. ГАНИПО, ф. 1, оп. 3, д. 155, л. 107; РГВА, ф. 37832, оп. 1, д. 9, л. 1; ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 716, л. 107, 133.
11. ГАПО, ф. 590, оп. 2, д. 63, л. 24; д. 104, л. 126-171; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 46.
12. *Васильев Н.* Открытие кордона // Псковский набат. 1923. 8 декабря; Современное название деревни, где 25 ноября 1923 г. открылся первый кордон, – д. Муровицы. В документах 1920-х гг. эта деревня называлась по-разному – Муромцы (ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 204), Муромицы, встречается и современное название.
13. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 46.
14. Там же; ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 9, д. 69, л. 28-32.
15. Там же.
16. *Лев Ш.* Два глаза в Эстонию // Псковский набат. 1924. 19 ноября; *Рязанцев Г.* В казарме у пограничников // Псковский набат. 1925. 19 июля; Ду-ко. В гостях у пограничников // Псковский набат. 1925. 17 сентября; Б.Р. Новый кордон на границе // Псковский набат. 1925. 19 сентября.
17. ЦГА СПб., ф. 198, оп. 6, д. 101, л. 96; На посту. 1927. 6 ноября.

18. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 46; оп. 3, д. 374, л. 113.
19. Там же.
20. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 304. Л. 76.
21. Там же, оп. 3, д. 374, л. 113.
22. ГАНИПО, ф. 9, оп. 1, д. 203, л. 147-148.
24. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 76-91; д. 346, л. 15; оп. 3, д. 374, л. 113; Пограничные войска СССР 1918-1928. С. 356; На посту. 1927. 6 ноября.
25. ГАНИПО, ф. 9, оп. 1, д. 203, л. 147; ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 46; д. 385, л. 299; На посту. 1927. 6 ноября.
26. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 304, л. 76-91; д. 394, л. 46-47.
27. ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 716. Л. 258, 266, 276.
28. Там же, д. 977, л. 5.
29. Там же, л. 63, 75, 126; ГАНИПО, ф. 109, оп. 1, д. 109, л. 4-6.
30. Там же, л. 99-101, 126-127; Лев Ш. Два глаза в Эстонию // Псковский набат. 1924. 19 ноября.
31. ГАНИПО, ф. 3, оп. 1, д. 336, л. 166, 175; д. 139, л. 106-108; ф. 109, оп. 1, д. 109, л. 4-6.
32. ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 977, л. 66, 75, 116; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 67; оп. 3, д. 374, л. 113-114; Лев Ш. Два глаза в Эстонию // Псковский набат. 1924. 19 ноября.
33. На посту. 1927. 16 ноября; ГАПО ф. 590, оп. 1. Д. 977, л. 82.
34. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 331, л. 22; д. 332, л. 24-26.
35. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 263, л. 11.
36. ГАПО, ф. 590, оп. 1, д. 716, л. 241, 258-259, 266-268, 282; д. 977, л. 55-56, 63, 80.
37. ГАНИПО, ф. 1, оп. 1. Д. 263, л. 11; д. 280, л. 233; *Филимонов А.В.* Чудская флотилия // Псковская правда. 1997. 4 сентября.
38. *Кисловский Ю.Г.* и др. Молодые дозорные Родины: Краткий очерк истории комсомольских организаций пограничных войск (1918-1987 гг.). С. 43; ГАНИПО, ф. 1, оп. 1, д. 332, л. 24-26; д. 301, л. 7; д. 346, л. 15; ГАПО, ф. 590, оп. 2, д. 85, л. 48; оп. 1, д. 977, л. 126-127; *Филимонов А.В.* Чудская флотилия // Псковская правда. 1997. 4 сентября.
39. *Филимонов А.В.* Чудская флотилия // Псковская правда. 1997. 4 сентября; ГАНИПО, ф. 9, оп. 1, д. 203, л. 147.